

*ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1*

В. В. Цуркан¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru*

МИФ О СЧАСТЬЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГГ.²

В статье рассматривается содержание и структура мифа о счастье, отразившего стремление литературы 1930-х годов заменить старые стереотипы и представления на новые, ориентированные на коммунистическую перспективу. Подчеркивается, что формирование мифа происходило в нескольких направлениях. В относительно свободной детской литературе миф о счастье стал одной из форм литературного эскапизма, позволявшего реализовывать мечту о счастливой жизни в рамках удаленного от советской реальности условного пространства. В литературе официальной, бывшей частью советской идеологии, миф о счастье имел жизнестроительный и утопический планы. Жизнестроительная составляющая реализовалась в жанре производственного романа, воспевавшего счастье свободного труда, обретаемое в акте творения нового мира. С этой точки зрения в статье анализируются роман-хроника В. Катаева «Время, вперед!». Утопическое содержание мифа воплотилось в произведениях А. Платонова «Ювенильное море» и «Счастливая Москва», герои которых, как и герои В. Катаева, мечтают о счастье растворения личного в общем. Вместе с тем, используя подтекст, гиперболизацию, символы, поэтику абсурдной ситуации, А. Платонов перекодирует миф. Под его пером идиллия превращается в антиидиллию, создается концепция трагического мира-перевертыша, в котором редуцируется и мифологема «блаженной страны», и миф о счастливом материнстве и детстве. В статье отмечается, что и в «индустриальной» прозе миф о счастье имел амбивалентное звучание. В. Катаев ввел в него знаки

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

В. В. Цуркан

скепсиса и сомнения, благодаря чему роман «Время, вперед!» приобрел апокалипсическую окраску.

Ключевые слова: А. Платонов, В. Катаев, производственный роман, утопия, идиллия, антиидиллия, детская литература

Несмотря на солидный корпус работ, посвященных эволюции дискурса счастья в отечественной культуре [1; 5; 8; 11; 12; 14], существует ряд аспектов (например, вопрос о конструировании мифа о счастье в тоталитарную эпоху), которые остались за пределами внимания ученых. Между тем, данный миф, хотя и создавался в противоречии с действительностью коллективизации и сталинских репрессий, был одним из социально значимых.

Во второй половине 1920-х гг. в литературе произошел «разворот» от доктрины революционной жертвенности к традиционализму, к идее неуклонного преодоления страданий. Встреча Нового года с разрешенной вновь елкой, одухотворенные дружеские пиры, святочные истории – все это вновь становилось легитимным. «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной» – в этой формуле А. П. Гайдара [3, III, 68] транслировалось понимание счастья, обретаемого индивидуумом как в жизни общественной, так и в жизни частной. В прозе социалистического реализма была укоренена фелицитарная модель, ориентированная прежде всего на этику пролетарского демократизма и коллективистских ценностей. Наиболее целостное воплощение миф о счастье советских людей обрел в жанре производственного романа. Перед писателями ставилась задача «еще и еще раз напомнить о торжестве коммунизма. В этом смысле каждое произведение, как отмечал А. Терц, – еще до своего появления было обеспечено счастливым финалом» [7, 79].

Эта предопределенность, вместе с тем, не отменяла неоднозначности истолкования указанного феномена. Одни писатели связывали счастье с торжеством советского социализма, а другие, смиренно вслушиваясь в действительность, пытались вернуть читателя к традиционным ценностям. Общим для всех стал жизнестроительный потенциал мифа. В расцвет эпохи индустриализации с её лозунгом «Темпы в эпоху реконструкции решают все!» [6, 134] было опубликовано одно из самых «своевременных» произведений о первой пятилетке – роман В. Катаева «Время, вперед!» (1933). Звучание повествования об одном дне из жизни Магнитостроя определяют

бодрые, жизнеутверждающие интонации. Герои романа Маргулиес, Ищенко, Мося, их «товарищи, братья и сверстники» [6, 63], участвуя в акте творения нового мира, обретают счастье на путях массовых, внеиндивидуалистических. Энтузиазм, порыв свободного труда, пафос соревнования, в котором каждая упущенная минута «грозит потерей случая и славы» [6, 33], поддерживается убежденностью в «безграничности человеческого гения» [6, 138]. «Мы достигнем скорости света и станем бессмертными!» [6, 138], «Мы вырастим сосны вышиной в километр!» – провозглашает инженер Налбандов [6, 169]. Отношение к труду как празднику репрезентируется как одна из характерных черт советского человека. В атмосфере всеобщего подъема и ликования («Да у вас тут, я замечаю, не работа, а масленица! Карнавал в Ницце!» [6, 265]) выглядят уместными и праздничное платье, в котором Оля приходит с репетиции спектакля на ударную смену, и звенящий духовой оркестр, и цирк, воздвигаемый для культурного отдыха жителей города. Главное событие романа – «побитие» рекорда Харькова и Кузнецка – не случайно сравнивается с «фокусом» [6, 223].

Счастье было обещано читателю в заглавиях произведений А. Платонова «Ювенильное море» (1932) и «Счастливая Москва» (1933–1936). Повесть «Ювенильное море» по ряду признаков могла быть отнесена к производственной прозе. Композиционным центром хроники «Время, вперед!» был образ заводской стройки, «Ювенильного моря» – «мясосовхоз номер сто один» [9, 547]. Сюда, в арало-каспийскую «смутную степь» [9, 547] прибывает инженер Вермо, чтобы реализовать свою мечту: «посредством творчества» [9, 571] освободить из-под толщи земли ювенильную воду и «на берегах новой воды развести миллионы коров» [9, 577]. Этот план захватывает воображение «окруженной блестящим светом социализма» [9, 577] Надежды Босталоевой. К типу героев, которые не могут жить легкой жизнью в стране «трудного счастья» [9, 577] принадлежит и сирота Москва Честнова, взыскующая «высокой судьбы» [10, 692]. Пожалуй, ни в одном произведении А. Платонова слово счастье не употребляется с такой частотой, как в романе «Счастливая Москва». Счастье отождествляется с понятиями «свобода», «истина», «творчество», «бессмертие», «блаженная радость». «Чистое чувство объединенного удвоенного счастья», «счастливая теснота людей» [10, 647] неотделимы от поиска героями смысла жизни и «зова» их совести. Прислушиваясь к нему, хирург Самбикин пытается добыть из трупа ребенка наполненную «едкой энергией жизни» влагу, которая может «живого,

В. В. Цуркан

но поникшего человека» «сделать прямым, твердым и счастливым» [10, 683]. Инженер Сарториус, в душе которого «тайно ото всех встретились два чувства – «любовь к Москве Честновой и ожидание социализма» [10, 694], пытается «определить внутренний механический закон человека, от которого бывает счастье, мучение и гибель» [10, 713].

Однако неподвластная «механическим законам» потребность в счастье в платоновском тексте постепенно начинает слабеть, а линия жизни героев становится нисходящей, ущербной. Деконструкция мифа начинается с «аморального» объединения насилия и музыки, злости и счастья. Звучание «Апассионаты» ассоциируется у Босталоевой с картинами грозной битвы с кулацким классом, а у Вермо, всегда желавшего «не столько радостной участи человечеству <...> сколько убийства всех врагов творящих и трудящихся людей», – с ожиданием «приближающегося дня жизни, когда последний стервец будет убит на земле» [9, 563–564]. Данная подмена проецируется на личную жизнь. Глядя в светящиеся от счастья глаза любимой женщины, Вермо думает о том, как можно «использовать свет человека с народнохозяйственной целью» и «сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Босталоевой» [9, 606].

Развенчание веры в светлое будущее, окрыленной любовью к «дальнему», происходит и в романе «Счастливая Москва». Ощущение двойственности возникает в заглавии при совпадении имени города и героини, которая «меняла свою жизнь – прерывала танец, если танцевала <...> надежней работала, если трудилась, закрывала лицо руками, если была одна» [10, 645]. Человек с горящим факелом, озарявший романтическим светом жизнь Москвы Честновой, на деле оказывается любящим «порядочек в нашей республике» [10, 730] жалким Комягиным, последним спутником опустившейся, падающей в неизвестность героини. В изувеченном, ущербном мире «теряет крылья» гений мер и весов Сарториус, когда решает стать посторонним, чуждым себе лицом. Он превращается в Ивана Степановича Груняхина, который «думает о мыслях в чужой голове, шагает не своей походкой, жадно радуется пустым готовым сердцем» [10, 744] и в финале романа обретает счастье с мешанкой Матреной Филипповной.

Кроме жизнестроительного, миф о счастье имел утопическое содержание (что также было частью советского проекта). Одним из центральных его персонажей был ребенок – символ будущего. Устанавливая рекорд, бригадир Ищенко думает о не рожденном ещё сыне: «Вся эта жизнь – и то, что было, и то, что еще будет, – не зря. Все это для него, для того маленького, кого еще и на свете нет, но который

скоро будет <...>. Склепают домны. Вскроют гору. Добудут руду. Зажгут кокс. Полетится чугуи. Чугун перевалят в сталь. Наделают рельсов, вагонов, пил, топоров, плугов, машин. И все это на потребу, на счастье «ему» <...>. Будет сталь – будет новая, счастливая, небывалая, невиданная жизнь» [6, 119–120]. В произведениях А. Платонова мифологема детства сознательно редуцирована. Образ малолетнего брата Айны в «Ювенильном море» встречается лишь однажды, а в «Счастливой Москве» образов детей вовсе нет, что «бросает трагическую тень на укорененный к тому времени двуединый миф о советском материнстве и детстве» [13, 119-120]. Это тем более показательно, что в массовой культуре 1930-х гг. Москва представляла не только центр советской «иерархоцентрической модели мира» [4, 747], но и одну из ипостасей архетипа матери. Однако ни Надежде Босталоевой, ни Москве Честновой не дано испытать счастья материнства. Босталоева сдерживает материнские инстинкты: «Прошлый год я достала кровельное железо, мне пришлось за это сделать аборт» [9, 588]. Противоестественность ситуации подчеркивает очевидное расхождение с мифологическим образом счастливой женщины-труженицы. Как издевка звучит в «Счастливой Москве» песня о «блаженной стране». В реальности, в «освященной звездами и электричеством» [10, 681] столице над отдельным, индивидуальным, личным торжествует толпа. «Чужая» жизнь постепенно захватывает все пространство: не только столица бредет вперед «с неузнаваемым молодым лицом» [10, 739], но и вся страна – с «молодым улыбающимся Сталиным», «сторожащим на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира» [10, 744].

В. Катаев также вводит знаки сомнения в свою хронику. Оптимистически-ободряющие интонации романа подчас сменяются скептическими: от эпизода к эпизоду все тревожнее становится мысль о возможных последствиях «избыточной самоуверенности и недостаточной продуманности социально-исторического деяния» [2, 169]. «Стоит ли предполагаемое счастье таких усилий? и «Сделается ли человечество от всех этих усилий счастливее?» [6, 169] – интересуется не без симпатий относящийся к Магнитострою американский турист Рай Руп. Восприятию идеи технизма как объективного пути прогресса В. Катаев противопоставляет образ, символизирующий принесенное в жертву сверхиндустриализации крестьянство: «Ляпоть. Крестьянский ляпоть. С одной стороны – Вавилон, а с другой – ляпоть» [6, 169]

Запрет на творческое свободомыслие уводил многих писателей 1930-х гг. в детскую литературу. Она стала одной из форм литературного эскапизма, позволявшего реализовывать представления о счастливой жизни в рамках удаленного от советской реальности пространства. Светлая, кажущаяся сказочной на фоне страшной действительности конца 1930-х годов семейная идиллия возникает в безымянном подмосковном поселке или в далёкой избушке в волшебном лесу у несуществующих Синих гор в «Голубой чашке» (1935) и «Чуке и Геке» (1939) А. П. Гайдара. Несмотря на то, что образ разбитой чашки стал символом хрупкости семейных отношений, а финал «Чука и Гека» был омрачен мотивом непрочности семейного счастья (ведь после встречи Нового года семья должна были вернуться в Москву в неполном составе), гармония мира воспринималась гайдаровскими героями через семейную гармонию: «И решено было, что никто не разбивал голубую чашку. Все это только серые злые мыши» [3, II, 304]. Совмещение мифопоэтической традиции, сказового стиля, образов-символов, поэтики числа, доминанты золотого цвета с гайдаровскими эстетическими принципами не только наделяло повествование сложным содержанием, но и обнажало его подтекст: безмятежное семейное счастье в эпоху тоталитаризма становилось возможным только в вымышленном, условном мире.

Таким образом, советские прозаики не просто становились апологетами, интерпретаторами, хроникерами новой счастливой действительности. Видя вытеснение индивидуально-личного начала массово-отвлеченным, они прибегали к эстетической перекодировке мифа о счастье, используя подтекст, образы-символы, поэтику абсурдной ситуации, приемы гиперболизации и гротеска. Подобные стратегии деконструкции мифа неоднократно будут встречаться в литературе XX века [15].

Литература

1. Абрамзон Т. Е. Цицерон и Марк Антоний в поэтическом диалоге Ф. Тютчева и В. Брюсова: спор о блаженстве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 348–354.
2. Волович И. Г. Художественное освоение действительности в романе В. П. Катаева «Время, вперед!» // Наука и школа. 2014 № 3. С. 165–172.
3. Гайдар А. П. Собр. Сочинений: в 4 т. Москва: Детская литература, 1964.
4. Гюнтер Х. Социалистический канон сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера и Е. А. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. 1040 с.

5. Еськова А. С., Петров А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву // *Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 196–203.*

6. Катаев В. П. *Время, вперед!* Роман-хроника. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. 301 с.

7. *Критика 50-60-х годов XX века / Сост. Преамбулы, примеч. Е. Ю. Скарлыгиной. Москва: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2004. 448 с.*

8. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // *Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.*

9. Платонов А. П. *Впрок: Проза. Москва: Художественная литература, 1990. 655 с.*

10. Платонов А. П. *Котлован: Романы, повести, рассказ. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. 800 с.*

11. Рудакова С. В. *Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.*

12. Рудакова, С. В., Регеци И. К. *Вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.*

13. Чернышева Е. Г. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. С. 1073–1090.*

14. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. *Концепт «Счастье» в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 10. С. 70–74.*

15. Цуркан В. В. *Стратегии деконструкции пушкинского мифа в постмодернистской прозе // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы докладов 78-й междунар. научно-технич. конф. 2020. Магнитогорск: изд-во МГТУ им. Г. И. Носова. С. 346*

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Tsitseron i Mark Antoniy v poeticheskom dialoge F. Tyutcheva i V. Bryusova: spor o blazhenstve // *Problemy istorii. filologii. kulturey. 2016. № 1 (51). Pp. 348–354.*

2. Volovich I. G. *Khudozhestvennoye osvoyeniye deystvitelnosti v romane V. P. Katayeva «Vremya. vpered!» // Nauka i shkola. 2014 № 3. Pp. 165–172.*

3. Gaydar A. P. *Sobr. Sochineniy: v 4 t. Moscow: Detskaya literatura. 1964.*

4. Gyunter Kh. Sotsialisticheskiy kanon sb. st. / pod red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. Sankt-Peterburg: Akademicheskiiy proyekt, 2000. 1040 p.

5. Eskova A. S., Petrov, A. V. «Chasto zdes v yudoli mrachnoy slezy lyutsya iz ochey»: liricheskiy «metatekst (ne)schastia» v pismakh N. M. Karamzina I. I. Dmitriyevu // Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova. 2017. Pp. 196–203.

6. Katayev V. P. Vremya. vpered! Roman-khronika. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. 1979. 301 p.

7. Kritika 50-60-kh godov XX veka / Sost. Preambuly. primech. E. Yu. Skarlyginoy. Moscow: OOO «Agentstvo «KRPA Olimp». 2004. 448 p.

8. Petrov A. V. Fenomenologiya «russkogo schastia» v trudakh T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniyu russkoy poezii XVIII–XIX vekov // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.

9. Platonov A. P. Vprok: Proza. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1990. 655 p.

10. Platonov A. P. Kotlovan: Romany. povesti. rasskaz. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 2002. 800 p.

11. Rudakova S. V. Filosofiya schastia v lirike E. A. Boratynskogo // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarnyye nauki». 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.

12. Rudakova S. V. Regetsi. I. K voprosu izucheniya fenomena schastia // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75.

13. Chernysheva E. G. «Zagotovka grazhdan vprok»: mif o sovetskom materinstve i detstve v dramaturgii A. P. Platonova 1920–1930-kh gg. // Quaestio Rossica. T. 5. 2017. № 4. Pp. 1073–1090.

14. Tsurkan V. V., Zaytseva T. B. Kontsept «Schastye» v poezii K. Balmonta i V. Bryusova // Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. № 10. Pp. 70-74.

15. Tsurkan V. V. Strategii dekonstruktsii pushkinskogo mifa v postmodernistskoy proze // Aktualnyye problemy sovremennoy nauki. tekhniki i obrazovaniya. Tezisy dokladov 78-y mezhdunarod. nauchno-tekhnich. konf. 2020. Magnitogorsk: izd-vo MGTU im. G. I. Nosova. P. 346

**RUSSIAN LITERATURE OF 1930s :
THE MYTH ABOUT HAPPINESS**

V. V. Tsurkan

Assistant Professor, Candidate of Philology,
Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article examines the content and structure of the myth of happiness, which reflected the desire of Soviet literature to replace old stereotypes and ideas with new ones oriented towards a communist perspective. It is emphasized that the formation of the myth took place in several directions. In children's literature, relatively "free" of ideology, the myth of happiness became one of the forms of literary escapism, which made it possible to realize the dream of a happy life within a space remote from Soviet reality. In the official literature, a former part of Soviet ideology, the myth of happiness had a life-building and utopian plan. The life-building component was understood in the genre of a production novel, which glorified the happiness of free labor, found in the act of creating a new world. From this point of view, the article analyzes the novel-chronicle by V.P. Kataev "Time, forward!" The utopian content of the myth was embodied in A. Platonov's works "Juvenile Sea" and "Happy Moscow", which heroes, like V. Kataev's ones, dream of personal happiness melted in general one. At the same time, using subtext, hyperbolization, images-symbols, poetics of an absurd situation, A. Platonov recodes the myth. In his work an idyll turns into an anti-idyll, the concept of a tragic upside-down world is created, in which both the mythologeme of the "blissful country" and the myth of happy motherhood and childhood are reduced. At the same time, the article notes that in "industrial" prose, the myth of happiness had a dual meaning. V. Kataev introduced signs of skepticism and doubt into it. Thanks to this, the socialist "pastoral" chronicle acquired a travesty sound.

Key words: A. Platonov, V. Kataev, industrial novel, utopia, idyll, anti-idyll, children's literature

Для цитирования: Цуркан В. В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. // Libri Magistri. 2020. № 4. С. 119–127.

Поступила в редакцию 14.09.2020